

DOI: 10.17805/zpu.2015.4.32

Элементы японской культуры в романе Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня»

Ю. С. НЕСТЕРЕНКО

(МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье рассматриваются некоторые особенности японской культуры, нашедшие свое отражение в романе «Не отпускай меня» (2005) британского писателя японского происхождения Кадзуо Исигуро. Автор принадлежит к представителям так называемой кросс-культурной литературы, для которой весьма важен национальный компонент.

Исигуро пишет на английском языке, и национальная проблема не является определяющей для его творчества. Напротив, автор подчеркивает «международный» характер своих романов, понятных любому человеку вне зависимости от его происхождения. Но, несмотря на это, на ряде особенностей романа прослеживается «японский акцент», хотя внешне ничто не напоминает Японию.

«Японской» является тема тотального одиночества героев в мире людей, специфического отсутствия каких-либо корней (uprooted). Также роман отличается скрупулезным, тщательней-

шим описанием деталей, использованием множества эвфемизмов, недоговоренностей и недомолвок, что находит свое соответствие в японской литературе.

Для романа оказываются весьма значимыми эстетический и этический компоненты, также обладающие «японским акцентом». Выявляются параллели между такой специфической японской категорией, как «моно-но аварэ» и своеобразным «любованием» старой лодкой, которое является аналогом таких составляющих японской жизни, как, например, любование луной, цветами и снегом.

Этический аспект в его японском обрамлении находит свое отражение в развитии темы долга, которая красной нитью проходит через все страницы романа. Своеобразное представление о долге, сопоставимое с самурайским, заставляет героев романа действовать только в рамках уже сложившейся системы, лишь честно пытаясь исполнить свое предназначение в навязанной им действительности.

Выявленные японские элементы романа «Не отпускай меня» находятся в корреляции по отношению к некоторым особенностям постмодернистского дискурса, что позволяет органично написать роман в пространстве кросс-культурной литературы.

Ключевые слова: Кадзуо Исигуро; кросс-культурная литература; японская культура; *uprooted*; эвфемизм; моно-но аварэ

ВВЕДЕНИЕ

Творчество современного британского писателя японского происхождения Кадзуо Исигуро (Kazuo Ishiguro, род. 1954 г.) входит в пространство так называемой «кросс-культурной литературы». Следует отметить, что единой терминологии для обозначения литературы, написанной на английском языке неангличанами, не существует. Исследователи используют (наряду с вышеназванным) такие термины, как *новая, малая, мультикультурная, постколониальная литература, литература стран Содружества, дискурс меньшинства, исследование угнетения, литература софотивления, литература третьего мира* и др. (см.: Anderson, 2006; Bhabha, 2004; Said, 1994; Spivak, 2006; Тлостанова, 2000; Толкачев, 2003; Сидорова, 2005). Пространство «кросс-культурной литературы» организуют пишущие на английском языке писатели разных национальностей — Салман Рушди, Видиадхар Найпол, Шива Найпол, Бен Окри, Тимоти Мо, Джон Кутзее, Ханиф Курейши, Чинуа Ачебе, Викрам Сет, Бучи Эмечет, Кэрил Филипс и многие другие, которые чаще всего являются выходцами из бывших британских колоний.

Кадзуо Исигуро приехал в Британию на заре своей юности, получил прекрасное образование в Англии, принял британское гражданство и стал свободно говорить и писать по-английски. Мастерски владея английским языком, писатель сознательно подчеркивает свою принадлежность к западноевропейской традиции, поэтому исследователи сравнивают его романы с произведениями Джозефа Конрада и Владимира Набокова. В своем интервью для газеты «Гардиан» Исигуро говорит, что его цель — писать «международные романы», т. е. мировоззренчески близкие самым разным людям (Kazuo Ishiguro: Электронный ресурс). Вероятно, поэтому Исигуро возражает, когда его творчество вписывают в контекст японской литературы либо сравнивают с кем-либо из японских писателей. Он признает только влияние японского кинематографа сёмин-гэки (фильмы о жизни рабочего класса) на свое творчество. Но тем не менее исключить японский элемент из его творчества нельзя, как и отрицать влияние японской культуры и японского происхождения.

«ЯПОНСКИЙ АКЦЕНТ» В РОМАНЕ ИСИГУРО «НЕ ОТПУСКАЙ МЕНЯ»

«Японский акцент» отчетливо прослеживается в романе Исигуро «Не отпускай меня» (*Never Let Me Go*, 2005). Он сочетает в себе признаки романа-антиутопии и се-

резного реалистического повествования с элементами притчи. Здесь, как и в других романах Исигуро, читатель сталкивается с несколькими временными и пространственными пластами.

Главная героиня Кэти, как выясняется в процессе повествования, не совсем человек, она — клон. Кэти рассказывает о своей настоящей жизни, в которой она является помощником донора (т. е. клона, пережившего операцию/операции по «выемке» органов для пересадки человеку), попутно вспоминая прошлую. Три части романа организованы различным пространством и временем. Автор использует вполне конкретное, реальное время — конец 1990-х годов. В 50–60-х годах XX в. был построен учебный корпус для клонов — Хейлшем. В первой части читатель узнает о детстве Кэти, проведенном ею в Хейлшеме, где она воспитывалась со своими друзьями Рут и Томми. Время пребывания там воспринимается как «одно золотое время». В шестнадцатилетнем возрасте они покидают Хейлшем и уезжают в так называемые Коттеджи (а на деле это остатки фермы), в их жизни происходят быстрые перемены, по словам Кэти: «...как если бы день уступал место ночи» (Исигуро, 2009: 105). Там они живут до тех пор, пока не уезжают на курсы помощников доноров. В последней части Кэти рассказывает о своей настоящей жизни: она уже почти двенадцать лет помогает донорам, среди которых оказались и ее друзья — Рут и Томми.

Мир клонов существует параллельно с миром людей, в результате чего образуется два пространства: реальная Англия, с действительно существующими названиями графств и городов — Оксфордшир, Дербишир, Уилтшир, Дувр, Норфолк, Кингсфилд, Уэльс (то пространство, которое при желании можно отметить на карте) и «клонированное» пространство условного мира: это сам Хейлшем, тропинка вдоль ревеня, пруд, лес, свой «край потерь», Коттеджи, Белый особняк, Тополиная ферма, приморский город, площадь (бывший бассейн), лодка на болоте и др. События, происходящие в Хейлшеме, также дублируют реальную жизнь, оставаясь «клонированными», нереальными, ненастоящими — это Ярмарки, Распродажи, Галерея, коллекции, «тайный заговор», поиски «возможного я», поиски лодки на болоте.

В мире клонов у всех героев есть только имена, фамилии сокращены до буквы, что создает дополнительный эффект вторичности их мира, его неполноценности, ведь таких, как Кэти, Томми и Рут, может быть множество (Кэти Ш., Дженни Б., Сюзи К., Аманда С., Кэрл Х., Полли Т., Мардж К., Мойра Б., Мидж А., Патриция С. и пр.). Кроме того, параллельно существуют своеобразные артефакты-фетиши, заменяющие и символизирующие реальную жизнь: кассета с записью песни Джуди Бриджуотер, пенал Рут (якобы подаренный ей одной из опекунов мисс Джеральдиной), деревянные сундучки, голубая тенниска Томми, его рисунки фантастических животных.

После Второй мировой войны ощущение неустойчивости жизни становится характерным для японской жизни и литературы. Кэндзабуро Оэ определяет это как «оторванность от корня» (*uprooted*) (Оэ, 2004: 79). Это ощущение особенно остро и болезненно у Исигуро, ведь «мир для японцев не творение, а произрастание, — пишет Т. П. Григорьева. — Все имеет свои корни, и все вырастает из единого корня, искусство в том числе» (Григорьева, 2005: 280). Подобная «оторванность» ощущается во всей прозе Исигуро, но наиболее полным ее выражением становится мир клонов в романе «Не отпускай меня», ведь у клонов корней не может быть по определению, их мир — это мир из ниоткуда. Не случайно на страницах романа герои бесконечно ищут Хейлшем, где прошли их лучшие годы; после того же, как они узнают о его закрытии, ищут место, где он был: «Закрытие Хейлшема представлялось мне так, словно подошел кто-

то с ножницами и перерезал бечевки чуть выше места, где они сплетались над кулаком клоуна» (Исигуро, 2009: 283) (Кэти видит клоуна со связкой воздушных шаров в руке.) В бездомности своего мира они пытаются опереться на Хейлшем.

Тема одиночества, «утраты корней» стала магистральной и в современной западной литературе, что не в последнюю очередь связано с происходящей глобализацией и миграцией, но особенно громко она зазвучала в кросс-культурной литературе, где герои и сами писатели в прямом смысле оказываются оторванными от корней.

Несмотря на использование английского языка, повествование Исигуро остается во многом субъективным, наполненным разными мелочами, избыточными подробностями, например, связанными с «пластмассовым футляром кассеты». Вот рассказ Кэти о своей любимой кассете: «Первоначально это была долгоиграющая пластинка (запись 1956 года), но мне, естественно, досталась кассета, и картинка на вкладыше, вероятно, представляла собой уменьшенную копию пластиночного конверта» (там же: 92–93), и далее несколько страниц занимает ее описание.

Эти особенности находят свое отражение и в японской литературе, для которой всегда было свойственно наличие большого пласта мемуарной прозы, различных записок и дневников, в которых акцент делался на субъективных впечатлениях и мимолетных ощущениях. Образцами мемуаристики стали произведения: Сэй-Сэнагон («Записки у изголовья», X в.), Митицуна-но хаха («Дневник эфемерной жизни», X в.), Камо-но Тёмэй («Записки из кельи», XIII в.) и многие другие. В эпоху Мэйдзи (1868–1912), с момента открытия границ, начинается процесс качественного изменения японской литературы, происходит быстрое знакомство японцев с западной культурой, зарождается современная проза. Первоначально японские писатели заимствовали реалистические тенденции, господствовавшие в это время в европейской литературе, но из-за особенностей конкретно-образного, конкретно-чувственного способа познания мира японская литература приобретает черты натурализма (*сядзюсюги*, «ся» — отражать, копировать). Исследователи говорят о стихийно складывающемся натурализме. И. А. Боронина отмечает: «Упор делался на точность, даже фотографичность изображения. Обобщение и типизация подменялись копированием действительности вплоть до мельчайших деталей» (Боронина, 2001: 1266). Цубоути Сёё в трактате «Сущность романа» (1885) и Фтабатэй Симэй «Общая теория прозы» (1886) закладывают основы современного японского языка, излагают свои взгляды на литературу. Происходит уход натуралистической школы в описание узко личной жизни, мелочей быта при отказе от всякой сюжетности и творческого вымысла (жанр эгоромана сисёсэцу — «повесть о себе»). Считалось, что писатель правдиво может писать только о самом себе. «Повести о себе» распространены и в современной японской литературе.

«Ненадежный повествователь» в романе «Не отпускай меня» по сравнению с другими произведениями Исигуро является одним из наиболее «надежных», так как у читателя хотя бы есть уверенность в том, что описываемые события имели место быть. Сомнения здесь касаются только нюансов, оттенков в правильности интерпретации прошлого. Романам Исигуро свойственна недоговоренность, выражающаяся в недомолвках, умолчаниях, пропусках. Например, Кэти так и не признает, что Рут помешала их чувствам с Томми. То же самое происходит в Хейлшеме, когда воспитанникам не лгут, но и не рассказывают всей правды об их предназначении. Вот слова одной из опекунов мисс Люси: «...вам говорят и не говорят. Вам говорят кое-что, но никто из вас толком не понимает...» (Исигуро, 2009: 110). Образуется зона умолчания, в кото-

рой японская культура включает все самое ценное. Первоначально может создаться впечатление, что речь в романе идет о некоей привилегированной школе непонятого назначения, но по ходу повествования количество таких странностей и недомолвок все увеличиваются, пока, наконец, правда не становится очевидной.

Исигуро часто обращается к эвфемизмам, что является не только стилистическим приемом, но и связано с особенностями японской культуры, избегающей прямого выражения чувств, мыслей, использования слова «нет», где выражать свои чувства не принято. Западная культура является в целом гораздо в большей степени экстравертной, нежели восточная. Так, *модель клона* заменяется на «возможное я»; операция по удалению того или иного органа — на *первую/вторую/третью и четвертую выемки*; сиделка — *помощник донора*; умер — на *завершил, поставил точку, кончил*.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ И ЭТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ РОМАНА

Эстетические категории занимают центральное место в мировоззрении японцев и составляют фундамент их жизни. Первоначально все эстетические категории были сформулированы в поэзии, позднее они стали знаковыми для всей японской культуры и прозы. Одной из центральных категорий является *моно-но аварэ* («печальное очарование вещей»), где *аварэ* обозначает пронзительное ощущение бытия, способ глубокого постижения мира, а в сочетании *моно-но аварэ* — *моно* — это все, что может вызвать *аварэ*.

Другой принципиальной категорией является югэнная эстетика, которая складывается на рубеже эпох Хэйан (794–1185) и Камакура (1185–1333), впервые получает описание в рассуждениях о десяти стилях поэзии («10 стилей японской песни») Фудзивара Садаэ Тэйка (1162–1241) и предполагает, что основное содержание выведено в подтекст за счет использования техники невысказанного (ёдзэ).

Для Исигуро это также является весьма характерным: «Когда я теперь вспоминаю эту часть пути, мне, может быть, и чудится намек на что-то невысказанное, но вполне допускаю, что на мое нынешнее восприятие влияет случившееся чуть позже» (Исигуро, 2009: 303). О любви Кэти и Томми автор нигде не говорит прямо, но из поступков и обстоятельств читателю становится ясно, что они любят друг друга. Например, в эпизоде, когда Рут извиняется перед ними за «причиненный вред»: «...я помешала вам с Томми быть вместе. <...> Это было самое плохое, что я сделала» (там же: 308). Кэти — воплощенное спокойствие — вдруг разрыдалась.

М. Кралева отмечает значимость категории *моно-но аварэ* для творчества Исигуро (Král'ová, 2008: 4–5). В романе «Не отпускай меня» это проявилось не так ярко, как, скажем, в первых его произведениях, посвященных Японии. Но, например, эпизод со старой лодкой представляет собой идеальное выражение категории *моно-но аварэ*.

Кэти, Томми и Рут предпринимают далекую поездку на машине, чтобы посмотреть на старую лодку, увязшую в болоте. Причем Томми и Рут уже стали донорами, из-за чего им просто тяжело переносить дорогу. Отчасти поездка является лишь предлогом для Рут, чтобы была возможность извиниться перед Кэти и Томми, а также как повод опять собраться вместе. Но сам объект для европейского сознания выбран довольно странный, так же как и форма — «посмотреть», что является прямым аналогом таких специфически японских составляющих жизни, как любование луной (*ханами*), цветами (*цукими*) и снегом (*юкими*). Кроме того, лодка выражает еще один эстетический идеал *ваби-саби* (красоты ровной, блеклой, старинной, ярко не выраженной и не лежащей на поверхности, спрятанной в глубине предмета): «Мы все стали рассматри-

вать лодку. Теперь было видно, что краска на ней сильно облупилась, что деревянный каркас кабинки рушится. Когда-то лодка была выкрашена в небесно-голубой цвет, но сейчас казалась под этим небом почти белой» (Исигуро, 2009: 297).

Еще одна важная для японского менталитета категория, нашедшая отражение в творчестве Исигуро, — понятие долга. Истоки ее появления связаны с конфуцианской этикой, являющейся не столько религией, сколько морально-этическим учением с основным принципом подчинения старшим. Существенную роль в легитимации этики долга сыграло самурайство с его кодексом чести бусидо, провозгласившим принцип гири (верности своему сёгуну). Окончательное свое оформление бусидо получило к началу XVIII в. в трактате Ямамото Цунэтомо (1659–1719) «Хагакурэ» («Сокрытое в листе»). Инадзо Нитобэ (1862–1933) в своей книге «Бусидо — душа Японии» пишет: «Но при всем при этом самурай был обязан исполнить приказ своего господина в любом случае, даже если ему не удавалось переубедить его отменить несправедливое решение. Нередко, протестуя против решения своего господина, и вследствие этого оказавшись между долгом преданности и долгом справедливости, самурай совершал сеппуку» (Нитобэ: Электронный ресурс). Постепенно подобные установки распространяются на все сферы жизни Японии.

Тема долга, правильного, хорошего выполнения своих обязанностей красной нитью проходит через все творчество Кадзуо Исигуро. Для Кэти также крайне важным оказывается, «хорошо ты справляешься или нет»: «Согласна, сейчас уже, наверно, хвастаюсь. Но это очень много для меня значит — ощущение, что я хорошо делаю свое дело, особенно ту его часть, что должна помочь донору оставаться в категории “спокойных”» (Исигуро, 2009: 9–10), или «Так что я не ради хвастовства говорю. Но все-таки я точно знаю, что они довольны моей работой, и я сама в целом тоже довольна» (там же: 9). В задачу Кэти входит поддерживать донора так, чтобы он смог выдержать максимальное количество выемок, после чего он умирает, и в скором времени самой Кэти предстоит та же участь: «...поставить точку в конце года будет, пожалуй, в самый раз» (там же: 11). Зная все это, она все равно продолжает помогать людям, получать как можно больше органов и даже видит в этом свое предназначение.

Но важно «хорошо справляться» не только с работой помощницы, а «хорошо справляться» во всем: сначала в Хейлшеме готовить хорошие экспонаты для Галереи, несмотря на то что назначение этой мифической Галереи детям неизвестно. Уже тогда они стали ценить поэзию, и на регулярно проводимых у них Распродажах приобретали в первую очередь тетрадки с ученическими стихами друг друга. Затем «показателем состояния твоих дел в Коттеджах — хорошо ты справляешься или нет — служит количество прочитанных книг» (там же: 163).

Еще одним показательным моментом является то, что с самого начала им рассказывали о вреде курения, о том, что здоровье для них крайне важно, и никому из них даже в голову не приходит хотя бы попытаться нарушить этот запрет. И даже Рут, в характере которой в большей степени присутствует западный элемент, считает, что донорство — их долг, и у нее не возникает ни тени сомнения по поводу их предназначения. Хотя порой она проявляет упрямство, высказывает недовольство и добивается своего, например, когда ей захотелось быть вместе с Томми или когда она стала добиваться определенного положения в Коттеджах. Все они желают всего лишь вести жизнь обычных людей: работать в супермаркете или, допустим, водителем. О работе в офисе или о профессии актера никто из них даже не смеет помыслить — это представляется им верхом дерзости, почти чем-то нереальным и фантастическим. Толь-

ко Рут не боится говорить о том, как она будет работать «в светлом офисе» с «динамичными сотрудниками»: «...сама Крисси в жизни не стала бы рассуждать о работе в офисе... <...> Но из-за того, что Рут приехала из Хейлшема, эта идея как-то вдруг оказалась в пределах осуществимого» (там же: 192). Но даже Рут в своих мыслях не выходит за рамки конфуцианских представлений о чувстве долга и буддийских о предназначении жизни и говорит: «...чувствовала, что так и должно быть. В конце концов, нам же положено ими (донорами. — Ю. Н.) становиться, правда?» (там же: 302).

В целом создается весьма странная ситуация. Кэти и ее друзья прекрасно образованы, они умны, начитанны и тонки в своих чувствах и мыслях. Жизнь их с самого начала пронизана трагизмом, они с детства знают, что их ждет неминуемая смерть в молодом возрасте. Но ни у одного из них не возникает даже мысли, даже тени сомнения, что можно как-то попытаться изменить свою судьбу, что на самом деле донорство не должно быть их предназначением. Для них оно является единственной реальностью, как неизбежность смерти в конце жизненного пути для обычных людей. Хорошо прожить жизнь для клона — подготовиться к выемкам, выдержать их как можно больше, в этом его предназначение. Чувство долга, признание неотвратимости судьбы являются их важнейшими жизненными установками. Никому из них даже не приходит в голову попытаться убежать, раствориться в мире людей — ведь они неотличимы, выдать себя за человека, украсть/купить документы, осуществить свою мечту и т. п. На страницах романа происходит полное овеществление метафоры «служить всей жизнью».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Не отпускай меня» — это название песни, которую постоянно слушает Кэти на своей любимой кассете, купленной ею на одной из Распродаж. Эта песня Джуди Бриджуотер из сборника «После захода солнца». Кэти постоянно слушает ее лишь из-за одной строчки в припеве: «Не отпускай меня... О, детка, детка... Не отпускай меня...» Эта песня становится выражением тоски Кэти, которая, как и все клоны, не может иметь детей. Клоны испытывают человеческие чувства, и многие из них более человечны, чем люди, относящиеся к клонам с презрением. Кэти хочет иметь ребенка, тоскует об умершем Томми, тонко чувствует поэзию.

По словам самого автора, в своем романе он попытался создать обобщенную метафору человеческой жизни и показать силу человеческой любви и дружбы, которые возникают, несмотря на внешние обстоятельства. Мир клонов обнаруживает восточные корни автора, так как их образ мыслей, поступки, действия и чувства лежат в области конфуцианских и буддийских представлений японцев.

Повествование от первого лица, субъективизм, использование многочисленных намеков, умолчаний, наличие точных конкретных деталей вплоть до фотографичности изображения непосредственно связаны с особенностями японской ментальности и традициями японской литературы и обнаруживают свои параллели с приемами ненадежного повествователя и недоговоренностью, характерными для постмодернистского дискурса, в связи с чем роман органично вписывается в пространство кросс-культурной литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Боронина, И. А. (2001) Японская поэтика // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М. : НПК «Интелвак». 1600 стб. Стб. 1264–1274.

- Григорьева, Т. П. (2005) Красотой Японии рожденный : в 2 х т. М. : Альфа-М. Т. 2: Японская литература XX века (традиции и современность). 416 с.
- Исигуро, К. (2009) Не отпускай меня. М. : Эксмо ; СПб. : Домино. 384 с.
- Нитобэ, И. Бусидо — душа Японии [Электронный ресурс] // Союз Спорт Чанбара Эстонии. URL: <http://spochan.ee/bushido.pdf> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 9.09.2015).
- Оэ, К. (2004) Футбол 1860 года. СПб. : Азбука-классика. 352 с.
- Сидорова, О. Г. (2005) Британский постколониальный роман последней трети XX века в контексте литературы Великобритании : дис. ... д-ра филол. наук. М. 333 с.
- Тлостанова, М. В. (2000) Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века : дис. ... д-ра филол. наук. М. 353 с.
- Толкачев, С. П. (2003) Мультикультурный контекст современного английского романа : дис. ... д-ра филол. наук. М. 381 с.
- Anderson, B. (2006) Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. L. ; N. Y. : Verso. 240 p.
- Bhabha, H. (2004) The location of culture. L. ; N. Y. : Routledge. 408 p.
- Kazuo Ishiguro [Электронный ресурс] // British Council Literature. URL: <http://literature.britishcouncil.org/kazuo-ishiguro> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 9.09.2015).
- Král'ová, M. (2008) Japan in the novels of the British writer Kazuo Ishiguro : Thesis. Praha : Univerzita Karlova v Praze. 71 p.
- Said, E. W. (1994) Culture and imperialism. N. Y. : Vintage Books. 380 p.
- Spivak, G. C. (2006) In other worlds : Essays in cultural politics. N. Y. ; L. : Routledge. 409 p.

Дата поступления: 9.09.2015 г.

*ELEMENTS OF JAPANESE CULTURE
IN KAZUO ISHIGURO'S NOVEL "NEVER LET ME GO"
YU. S. NESTERENKO
(MOSCOW STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY)*

The article discusses some characteristics of the Japanese culture as they are portrayed in the novel "Never Let Me Go" written by the British novelist Kazuo Ishiguro (born in Japan). Kazuo Ishiguro represents the so-called cross-culture literature, with its focus on the ethnic component.

As he writes his novels in English, the ethnic problem is not the strongest determinant of his work. On the contrary, the novelist emphasizes the multinational characteristic of his novels, which are comprehensible to anyone regardless of their background. Although nothing seems to remind of Japan in the novels, often a certain Japanese peculiarity is nevertheless quite conspicuous.

One of the definitely 'Japanese' motifs in the novels is total loneliness and 'uprooted'-ness. The novel is also characterized by rigorous description of details, making copious use of euphemisms, understatements and allusions, which are also typical for Japanese literature.

The aesthetical and ethical components are also quite significant for the novel. We consider the parallels between the Japanese term 'mono no aware' and the peculiar act of admiring the old boat which corresponds to Japanese admiration of the Moon, flowers and the snow.

The ethical characteristic in its Japanese version manifests itself in the motif of duty which runs throughout the novel. A certain notion of duty, similar to that of the samurai, makes the characters act only within the boundaries of the existing system, honestly trying to complete their quest in the reality which has been imposed on them.

These Japanese characteristics in "Never Let Me Go" also correspond to some particular features of postmodern discourse, which allowed the author to seamlessly fit his novel into the space of cross-cultural literature.

Keywords: Kazuo Ishiguro; cross-cultural literature; Japanese culture; uprooted; euphemism; mono no aware

REFERENCES

- Boronina, I. A. (2001) *Iaponskaia poetika* [Japanese poetics]. In: *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii* [Encyclopedia of literary terms and concepts] / ed. by A. N. Nikoliukin. Moscow, Intelvak Research and Production Company. 1600 clmns. Clmns. 1264–1274. (In Russ.).
- Grigorieva, T. P. (2005) *Krasotoi Iaponii rozhdennyi* [Born of Japanese beauty] : in 2 vols. Moscow, Al'fa-M Publ. Vol. 2: *Iaponskaia literatura XX veka (traditsii i sovremennost')* [Japanese literature of the 20th century (traditions and modernity)]. 416 p. (In Russ.).
- Isiguro, K. (2009) *Ne otpuskai menia* [Never let me go]. Moscow, Eksmo Publ. ; St. Petersburg, Domino Publ. 384 p. (In Russ.).
- Nitobe, I. *Busido — dusha Iaponii* [Bushido, the soul of Japan]. *Soiuz Sport Chanbara Estonii* [online] Available at: <http://spochan.ee/bushido.pdf> [archived in WebCite] (accessed 9.09.2015). (In Russ.).
- Ое, К. (2004) *Futbol 1860 goda* [The silent cry]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ. 352 p. (In Russ.).
- Sidorova, O. G. (2005) *Britanskii postkolonial'nyi roman poslednei treti XX veka v kontekste literatury Velikobritanii* [British post-colonial novel of the last third of the 20th century in the context of British literature] : diss. ... Doctor of Philology. Moscow. 333 p. (In Russ.).
- Tlostanova, M. V. (2000) *Problema mul'tikul'turalizma i literatura SShA kontsa XX veka* [The problem of multiculturalism and American literature of the late 20th century] : diss. ... Doctor of Philology. Moscow. 353 p. (In Russ.).
- Tolkachev, S. P. (2003) *Mul'tikul'turnyi kontekst sovremenogo angliiskogo romana* [Multicultural context of the contemporary English novel] : dis. ... Doctor of Philology. Moscow. 381 p. (In Russ.).
- Anderson, B. (2006) *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. London ; New York, Verso. 240 p.
- Bhabha, H. (2004) *The location of culture*. London ; New York, Routledge. 408 p.
- Kazuo Ishiguro. *British Council Literature* [online] Available at: <http://literature.britishcouncil.org/kazuo-ishiguro> [archived in WebCite] (accessed: 9.09.2015).
- Král'ová, M. (2008) *Japan in the novels of the British writer Kazuo Ishiguro* : Thesis. Prague, Charles University in Prague. 71 p.
- Said, E. W. (1994) *Culture and imperialism*. New York, Vintage Books. 380 p.
- Spivak, G. C. (2006) *In other worlds : Essays in cultural politics*. New York ; London, Routledge. 409 p.

Submission date: 9.09.2015.

Нестеренко Юлия Сергеевна — аспирант кафедры всемирной литературы Московского педагогического государственного университета. Адрес: 119991, Россия, г. Москва, ул. М. Пироговская, д. 1. Тел.: +7 (499) 246-57-12. Эл. адрес: yulyanesterenko@yandex.ru. Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Е. В. Сомова.

Nesterenko Yuliya Sergeevna, Postgraduate Student, Department of World Literature, Moscow State Pedagogical University. Postal address: 1 Malaya Pirogovskaya St., 119991 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 246-57-12. E-mail: yulyanesterenko@yandex.ru. Research adviser: E. V. Somova, Doctor of Philology, Professor.